

Геннадий Михайлович Литвинцев родился в 1946 году в китайском городе Харбин в семье русских эмигрантов. Окончил исторический факультет Уральского государственного университета. Работал журналистом, корреспондентом ряда союзных изданий в Прибалтике и «Российской газеты» в Воронеже. Автор многочисленных публикаций в журналах и альманахах, нескольких книг прозы и стихотворений. Победитель литературного конкурса Довлатовского фестиваля искусств, лауреат Всероссийской литературной премии им. П. Бажова. Живет в Воронеже.

Геннадий Литвинцев

МАЖОРИК

Рассказ

С о стаканом сока в руке Проворин довольно посматривал на сына. Тот, вперившись в экран, не отвечал на его взгляды. Наконец Леонид Еремеевич не выдержал:

— Кажется, чтобы сидеть в интернете, незачем было ехать в пустыню, — проворчал он негромко. — Живете с заклеенными глазами.

— Что тебя раздражает? Я как раз читаю из Библии об этих местах, — не отрываясь от экрана, отвечал сын.

— Дома не мог? Здесь каждый час дорог. Приехали пройти библейскими тропами, подожвами ног, так сказать, ощупать историю.

— Тебе с твоими друзьями вообще-то лучше было бы пройтись тропами Ермака. Ведь это он, Ермак, открыл Сибирь, страну ваших богатств.

— Вот я тебя самого скоро отправлю в Сибирь, поймешь, как богатства достаются.

Кремнистая, ржавая земля вади, в каменной крошке и щебне, цвела в эту пору анемонами, ирисами, дикой горчицей и луком, и от множества лиловых, красных и желтых пятен казалась парчовой ризой, брошенной кем-то сверху. Солнце, не жгучее и доброе из-за войлочной облачности, шло к заходу, отчего отдаленные ковриги гор на востоке нежно порозовели, а в складках холмов залегли синеватые тени.

Проворин допил сок и растянулся на шезлонге. Он не терпел беспредметной болтовни, к которой был склонен его сын Еремей. Но, странное дело, тот часто втягивал его в ненужные диспуты, более того, умел разбередить и растре-

вожить, лишить привычного покоя и устойчивой здравости мысли. Леонид Еремеевич любил сына, и в то же время невольно остерегался близкого общения с ним. Тот мог спросить то, на что у него не было ответа, сказануть такое, что прежде ни от кого не доводилось слышать. С Инной, матерью Еремея, Проворин развелся, когда тому было двенадцать. Инна была из консервативной семьи и, хотя самой пришлось податься в экономисты, с рождения сына мечтала о его музыкальной карьере. Но он, обнаружив хороший слух и способности, не прикипел к клавишам, прикидывался чайником, изводил преподавательницу. Его пытались вести по дороге Рахманинова и Рихтера на веревочке, но однажды, восьмилетним, Ерема пригрозил сбежать из дома или броситься в пролет лестницы — и от мальчика отступились.

Уйдя из семьи, Проворин верно и аккуратно заботился не только о сыне, но и об Инне, понимая, что лишь здоровая и благополучная мать вырастит ему достойного наследника. А в том, что он сделает из Еремы наследника своего дела, Леонид Еремеевич не сомневался. Потому — самая элитная школа, развивающие программы, языки, поездки — чаще с ним, чем с матерью, — по мировым столицам. Любознательный и смысленый, Ерема явно опережал в развитии сверстников, причем имел оригинальный склад ума, отличался быстротой реакций, своеобразным юмором и независимостью суждений, чем все больше и больше нравился отцовскому честолюбию. Он удивлял и внешней своей миловидностью. Темными бархатными глазами, удлинненным овалом лица, которым мальчик походил на мать (Инна была и оставалась весьма привлекательной женщиной), а энергичную посадку лба и ямку на подбородке взял от отца.

И вдруг скандалец, в десятом классе, — из-за обнаруженного в сети любопытного видеоролика. Проворину любезно о нем донесли, скопировали и доставили на просмотр. И вот что он увидел: вход в парк Горького, из машины вываливается сынок с двумя друзьями, один из них с камерой.

— Сегодня мы приехали в парк Горького, хотим проверить, на какие унижения способны люди ради денег, — объявляет Ерема в камеру.

После чего начинает ходить по аллеям парка и приставать к прохожим.

— Если я дам денег, вы согласитесь выпить моей мочи? — предлагает девушкам-сверстницам. — Тысяч за десять-пятнадцать?

Те смущенно разбегаются. А сидевший на лавочке потрепанного вида молодой мужчина при виде купюр вступает в переговоры. Сговариваются на десятки тысяч. Отходят за какие-то строения...

Парень лет двадцати пяти, к которому Ерема подходит с тем же предложением, ни слова не говоря, бьет его с правой в голову. Сынок скувыркается на газон и пускается наутек. Хорошо, будет уроком!

Так, снова девушки. Ну и наглец же! Предлагает им раздеться «прямо здесь». О, эта не против! Красивая, а вот же не устояла — за пятнадцать тысяч. Стягивает с себя одежду, в одних трусиках прохаживается по аллее. Дальше еще забавней — Ерема покупает в киоске две банки красной икры и здесь же в парке любезно кормит ею бомжей.

Снова говорит в камеру:

— Я не осуждаю этих людей. И не смеюсь над ними. Считаю, что у каждого бывают ситуации или проблемы, из-за которых человек способен на что угодно. Мы не знаем, как сами бы себя повели, если бы попали в тяжелую ситуацию.

«Наглец, подонок! — вскипел отец. — Запись растиражируют, звон поднимется на весь свет. И на кого пальцами будут показывать? Не на тебя — ты на хрен никому не нужен. На меня все шишки — подонка воспитал, с жира бесятся, глумятся над людьми. Развращающая власть больших денег! И всякие старые скандальные дела не забудут припомнить».

— И откуда это в тебе? Что ты культивируешь? Какие при этом чувства испытываешь? Превосходства, садистского удовольствия? — перекипев, спрашивал он Ерему. — А если б тебе предложили то же самое? Или заставили под каким-нибудь условием? Стал бы?

— Все может быть. Мы себя мало знаем. И при том, учти, сам я больше их унижаюсь. Я ведь понимаю, что выгляжу как подонок, как последняя мразь! Они-то уж во всяком случае чище меня, хоть и мочу пили. Пить легче, чем предлагать. Тебе этого не понять...

— Где уж! Элементарный Мазох.

«Все-таки он странный! — думал Леонид Еремеевич после разговора. — И какая наглость! Захотел провести эксперимент — и не постеснялся, провел. Не побоялся ничьих мнений. Наверное, это хорошо для руководителя. Детей надо баловать — тогда из них вырастают настоящие разбойники! Жаль, мы-то были другими!»

Когда настало время решений, Проворин выбрал сыну место в Лондоне, в школе экономики и политических наук. В самом сердце британской столицы, по соседству с Королевским колледжем. Жилье — в Ковент-Гардене, с видами на Стрэнд, центральную улицу Лондона. «Это стоит мне миллион евро в год!» — говорил Проворин. Сферой познания Ереме выбрали финансы и юриспруденцию.

Вдруг зимой, не дождавшись Рождества, Еремей сам, без предупреждения, свалился из Лондона. «Там я учиться не буду!» — заявил, как отрезал. В глазах блеск. И новая привычка появилась — искоса смотреть в сторону, словно бы прислушиваясь и ожидая чего-то. Леонид Еремеевич понял: нажимать бесполезно, может замкнуться и нагрубить. Дал ему отдышаться, даже виски плеснул в бокал. Поговорили о лондонской погоде. После чего сынок выдал: «Там расисты, папа, настоящие расисты! Меня, как русского, третируют, оскорбляют, обзывают путинским шпионом, не хотят общаться, не принимают в игру».

— Как русского? Ничего себе! Или ты разыгрывал из себя патриота?

— А что, мне надо было отрекаться? Кричать: «Я не русский!» Ты читал мне еще в детстве о людях из гетто. Они понимали это как знак избранности. А теперь, представь, в гетто попали мы, русские. Из нас делают отверженных, называют изгоями, гонят о нас всякую пургу. А какое всюду невежество! Там же верят, что Россия вместе с Гитлером напала на Англию в войну! И я должен был, по-твоему, отречься, встать на их сторону? Может быть, топать и свистеть вместе с ними? Вот им! Я заказал и стал носить футболку с надписью «Good thing I'm Russian». А потом купил билет на самолет. Ничего, есть места и лучше ихнего рай!

— Постой, постой! А что, другие русские, из вашей школы, все такие майки надели? Кто-нибудь из них устроил скандал, бросил учебу, уехал из Лондона?

— Нет, папа, кроме меня, никто не уехал. Может быть, я более русский, чем они. Зов крови более сильный.

— Ладно, ладно, пустое, не в тему! Где ж ты собираешься теперь учиться?

— Смотря чему учиться. По правде, я хотел историей заняться, самой древней, может быть, археологией. А насчет Лондона не ругайся и не жалей. Не хочу быть среди избранных... биороботов. На занятиях нельзя высказывать свое мнение. Сомнения в правильности западной жизни недопустимы. Чуть что — «вы все там в России традиционалисты, сталинисты, мракобесы». Геи, трансгендеры, всякие извращения — это святое, не смей даже скривиться. В общем, я, как когда-то говорили, выбрал свободу! — завершил он свою тираду.

Проворин досадовал, но смирился. Порода! Выплюнул золотую ложку изо рта... Он видел в сыне свою породу и невольно сочувствовал ей. Конечно, археология в бизнесе не контрактна. Но кто его знает, кем сын станет, в конце концов. Перебесится! Сам-то он тоже учился не маркетингу и финансам, а театральной режиссу-

ре. И ничего, получается. Просто ум нужен, элементарный практический ум. И характер. Ведь бизнес тот же театр — с комедией положений, абсурдом, драмой судьбы. И, зачастую, не с той развязкой, что прописана в сценарии. А сколько же вокруг артистов из погорелых театров!

«Вылупившегося птенца обратно в яйцо уже не засунешь, — говорил себе Проворин, допивая бокал в одиночестве. — Ничего, образуется!»

Он видел и осознавал, как Ерема борется, чтобы стать самим собой, получить право на собственную жизнь. Борется ни с кем-нибудь, а прежде всего с ним, с отцом, как библейский Иаков за место в истории боролся с Богом.

Спустя месяц Еремей уже ездил на исторический в МГУ. А в его поведении после Лондона произошли крутые перемены. Резко сменился круг общения. Исчезли прежние стритрейсеры, модные тусовщики и вообще мажоры. Никто не заезжал за ним на дорогах авто. Но по телефону он то и дело говорил о каких-то сходках, концертах, акциях, дежурствах. От всех материнских вопросов отмахивался: «Мне надо. Обещал. Да, собираемся. Да, пойду».

* * *

В пустыне темнеет быстро. Недолго поиграв легкой охрой, погас закат, сгустилась небесная синева, мягкой мглой заволокло горы. Лишь редкие голоса оживляли лагерь из шести палаток.

Но вот в темноте вспыхнул электричеством большой шатер, резиденция организатора путешествия Халдея, прозвучал рожок — и обитатели лагеря потянулись на свет.

Внутренность шатра обустроена в восточном стиле — на полу ковер цветов предзакатной пустыни, по краям шелковые подушки, в середине на простых глиняных тарелках простое же угощение — лепешки, сыр, хумус, орехи, виноград, зелень. Никакой мебели, только в глубине стол, уставленный глиняными кувшинами и кружками, с двумя официантами по сторонам.

Гостей встречал Халдей, сам Максим Арьевич. Каждому жал руку и однообразно приветствовал: «Добро пожаловать!» И добавлял: «Рассаживайтесь. Вернее, разваливайтесь. Ведь мы в походе». Громким возгласом «Вот это да! Кто бы мог поверить в такое счастье!» приветствовал Халдей единственную среди путешественников даму, в которой все узнали звезду балета Далию Кончакову, и ее непритязательного спутника Артура. Потом представил всем скромно державшегося в стороне бородатого мужчину в кипе, одетого в темный куртук: «Мой друг профессор Иосиф Гальперин, самый мудрый и самый ученый человек на земле». Мужчина молча поклонился и снова отошел в сторону.

Стали размещаться на ковре и подушках, полулежа, с подобранными коленями. Еремей постарался занять место подальше от отца. И — о чудо! — Далия оказалась рядом с ним. Еремей старался не смотреть на знаменитость, но против своей воли ощущал и ловил всеми напрягшимися клетками ее аромат и нежное тепло коснувшегося бедра.

— В одних кувшинах у нас вино, в других вода из здешнего знаменитого колодца, она, говорят, еще слаще вина, угощайтесь! — объявил Халдей.

— Мне вина, — услышал Ерема голос соседки, но не придавал значения и вскоре получил толчок локотком в спину. — Эй, я вам говорю!

Он обернулся — и увидел прекрасные смеющиеся глаза и губы. Наощупь схватил первый подвернувшийся кувшин.

— А что там — вино или вода? — спросила она.

— Вино, красное.

— Налейте.

Он доверху налил подставленную кружку.

— И себе.

Так повелительно с ним еще никто не говорил. Но и слушаться никогда не было столь приятно.

— Ну вот, а теперь чокнемся. Как вас зовут?

Еремей назвался.

— А вас?

В конце концов, он не обязан знать ее до знакомства. Красавица улыбнулась и, вдруг близко наклонившись к нему, прошептала:

— Хазва. Вам я могу сказать свое настоящее имя.

И тут же прервала общение, повернувшись к спутнику, возлежавшему возле нее справа. О чем-то они заворковали вполголоса. Пришлось слушать, что говорил Халдей. Тот вроде бы был занят с ученым, но говорил так, чтобы слышно было и всем остальным:

— Как измельчали люди! Мне показали здесь строящийся порт, его должны были сдать еще лет десять назад. Храм Соломона, я вам скажу, в объемах был не меньше, а построен, при той технике, всего за семь с половиной лет. Правда, работали на премудрого царя не одни лишь люди, но и духи, умел он впрягать и демонов. Бывало, пригрозит им перстнем, они, дрожа от страха, бегут исполнять.

Гальперин кротко смеялся:

— Складно рассказываете, будто видели.

— А что, может, и видел, — отвечал Халдей. — Я ведь много кое-чего на свете успел повидать. И убедился, что люди всегда и везде одинаковы — думают только о себе, а любовь и друзей считают наградой за свои достоинства.

— Но можно сказать и так, что нигде нельзя купить дружбу за деньги и подкупом добиться любви.

Халдей на это поднял бровь, но ничего не сказал. Он высоко ценил кругозор и познания профессора. Иосиф Гальперин в Санкт-Петербурге учился читать древние еврейские, арамейские и арабские тексты. В Париже занимался семитологией и гебраистикой. В вавилонской и ассирийской клинописи, в египетских иероглифах он разбирался столь же бегло, как обычный человек в ежедневной газете. В Карнеги-Тех изучил технологии древней металлургии, так что теперь безошибочно определял в местных археологических находках происхождение металлов и сплавов. В нью-йоркском музее «Метрополитен» исследовал костюмы и оружие. Поднаторел в ископаемой нумизматике и керамике, древней архитектуре и военном искусстве. И вот такой человек пришел сегодня рассказать о земле, на которую ступили путешественники, и о ее преданиях.

Иосиф переменял положение, подоткнул под себя подушку и, улыбнувшись в бороду, начал негромко, ни к кому особенно не обращаясь. Но именно это заставило всех прекратить смех и всякие разговоры.

— Мне часто приходится выступать перед приезжими — из России, Европы, Америки. Одни считают себя паломниками, другие просто туристами. Разница тут чувствительная, прежде всего в отношении к тому, что видишь и слышишь, а следовательно, и в восприятии. Я вас пока что мало знаю, а потому назову предварительно странниками.

— Я согласен, — внушительно сказал Халдей. — Все мы на этом свете странники.

— Не исключено, что и на том свете будем ими. Потому я приветствую ваше желание пройти пешими по пустыне и так ближе узнать нашу страну. Есть ли в мире другая земля, пробуждающая столько дорогих сердцу воспоминаний? Эти слова, между прочим, принадлежат Ивану Алексеевичу Бунину, побывавшему здесь за сто лет до вас. Да, эта земля настолько одухотворена тысячелетней исто-

рий, что здесь не вы смотрите на пейзаж, а он смотрит на вас и говорит вам. Что говорит? Это зависит от умения слушать. Уверен, что перед поездкой все вы усердно читали Библию и потому вам знакомы имена и топонимы, которые я стану называть, и вы сумеете меня поправить в случае, если допущу ошибку.

Все согласно закивали.

— Да, существенное замечание, — с веселой улыбкой сказал Иосиф. — У меня не лекция, а вы не студенты. Потому продолжайте есть и пить. И будем беседовать. Еремей снова почувствовал толчок в спину:

— Так вы будете за мной ухаживать?

И снова, обернувшись, с радостным сердцем увидел бесподобное лицо, налил в протянутую кружку вина.

— А теперь дайте мне лаваш и сыра, и зелени, с утра ничего не ела. — Она не оставляла свой повелительный тон. — А вы почему ничего не пьете?

— Вина я не пью, а воды не хочется, — сказал Еремей.

Далия с интересом на него посмотрела.

— Вот как? Что-то новенькое. А какие же удовольствия вы цените?

— Я многое ценю. Но меня другое сейчас забавляет, — Ерема развернулся к соседке всем корпусом.

— Что же?

Соседка выказывала желание поболтать.

— Глядя на вас, нельзя и подумать, что вы потребляете что-либо кроме солнечных лучей и романтической музыки.

— О, да вы мастер на комплименты! — засмеялась Далия. — Я не совсем вас разочарую, если позволю себе еще и винограда, вон того, желтого?

— Этот как раз к вашим глазам, — успел сказать Ерема.

Он всем существом своим ощущал токи, исходящие от соседки, ловил воспаленным слухом ее слова, смех и дыхание. И чувствовал, что пуповина, неожиданно соединившая его с нею, от мига к мигу становится все прочней и короче. И потому он не расслышал, как профессор объявил небольшой конкурс на знание Библии и зачитал задание:

— Кто был первым царем Израиля?

— За что были изгнаны Агарь и Измаил?

— Какое описанное в Ветхом Завете событие в иудейской традиции отмечается в виде карнавала?

И еще несколько подобных вопросов. Нет, у профессора вовсе не было намерения уличить собеседников в невежестве — подобные задачки в Израиле задаются и решаются на обычных школьных викторинах и конкурсах. Но в нашем шатре после его слов повисла неловкая тишина. И потому особенно громким показался женский голос:

— Можно мне задать свой вопрос?

Иосиф согласно кивнул. Все уставились на Далию.

— Меня зовут Хазва, это мое настоящее имя. В какой части Библии действует женщина с таким именем? И что произошло с нею?

Иосиф снова кивнул:

— Вношу ваш вопрос в конкурс для присутствующих. А сам тем временем поищу текст.

Он включил вай-фай роутер и стал заниматься с ним. Через пару минут поднял голову, оглядел сидящих. Желающих отвечать на вопросы не прибавилось.

— Вопрос милой нашей собеседницы действительно не простой, — кротко сказал Иосиф. — Во всяком случае, и я сначала растерялся. Слава Создателю, помогла техника. Героиня с именем Хазва является в «Числах», в главе 25-й. Разрешите зачитать? — обратился он к Далии.

— Читайте! — командовала она с нотками вызова и торжества.

Иосиф приподнял аппарат ближе к глазам:

— «И сказал Моисей судьям Израилевым: убейте каждый людей своих, прилепившихся к Ваал-Фегору. И вот, некто из сынов Израилевых пришел и привел к братьям своим мадианитянку... Финеес, сын Елеазара, сына Аарона священника, увидев это, встал из среды общества и взял в руку свою копьё, и вошел вслед за израильтянином в спальню и пронзил обоих их, израильтянина и женщину в чрево ее; и прекратилось поражение сынов Израилевых... Имя убитого израильтянина было Зимри, сын Салу, начальник поколения Симеонова; а имя убитой мадианитянки Хазва, дочь Цура, начальника Оммофа, племени Мадиамского».

Как только чтение смолкло, все обратились глазами к Далии. Она сидела неподвижно, прямая, смотрела перед собой, губы ее дрожали, а по бледным щекам сбегали слезы.

— Что с тобой? — шептал ей приятель. — Зачем все это? Разве ты Хазва, дочь Цура? И не пей больше!

Далия молчала, прижимая салфетку к щекам.

На том и окончился вечер. Все расходились в неловком молчании.

Ерема с отцом, тщательно задраив в своем шатре молниями выход и окна, занавесив специальной кисеей кровати, тут же улеглись и погасили свет. Ерема был рад, что ему никто не будет мешать думать о прекрасной Хазве, вспоминать ее запах и голос, мучиться ожиданиями своей взволнованной плоти.

И был вечер, и было утро — день второй. Халдей журавлиной походкой вышагивал по лагерю, не зная, за что приняться. Ночью в стороне от их шатров, на расстоянии стрелы из лука, появилось еще три, причем черного цвета. Возле них сейчас стояла живописная группа в длинных белых рубахах и в клетчатых, обмотанных вокруг головы, платках.

— Кто это? — спрашивали Халдея.

— Ребята из соседней Тель-Шевы, природные бедуины, — отвечал он. — Будут у нас проводниками и водителями верблюдов.

— Так это арабы! Зачем надо было нанимать сюда арабов? Что, не нашлось хотя бы сефардов?

— Мне сказали, что бедуины в пустыне ловчее. Главное, они не знают ни русского, ни английского, можно говорить свободно. Да к тому же это не совсем арабы, а древние набатеи.

— А чего нарядились?

— Это их родная одежда. Кстати, всем объявляю: к обеду переодеться. В шатрах вас тоже ждут наряды тех самых времен, удобные, легкие и красивые. Долой эти уродливые одежки, к черту цивилизацию! Все лишнее, прежде всего мобильную связь, ключи, деньги, помещаете, как договаривались, в коробка, в конце похода они будут ждать вас в моей машине в аэропорту. И свободными, обновленными — в путь!

Войдя в свой шатер, Проворин с сыном увидели на легких походных кроватях стопки аккуратно сложенной светлой одежды, на полу внизу — кожаные сандалии. Стали разбирать, рассматривать.

— Не сразу иобразишь, как и что одевать, — ворчал Леонид Еремеевич.

Запахнули белые полотняные накидки. Плащи, тоже светлые, с широкими открытыми рукавами укрепили на плечах пряжками. Рассмотрели и удивились красивым кожаным сандалиям с отделкой золотыми шнурами. Повязали чалмой головной шарф-судар.

Удивительно, что делает наряд с человеком! Когда обитатели шатров вышли наружу, они увидели вокруг себя библейских персонажей, и с трудом узнавали

друг друга. Светлые, воздушные, просторные одеяния, не скроенные и сшитые, а только подвязанные и кое-где скрепленные, преобразили их. И, надо признать, каждому пришлось к лицу. А нескладные фигуры и вовсе были скрыты. Все стало значительнее, красивее, гармоничнее и в ладу с окружающим их пейзажем.

Халдей всех обошел, осмотрел — и остался доволен.

— Вот теперь вижу перед собой настоящих пилигримов, — сказал он. — Только смотрите, ноги не натирать, нынче народ нежный пошел. Если что, возвращайтесь в кроссовки.

Обедали в шатре с тем же набором яств, но уже без вина. Разместились на ковре в прежнем порядке — и Еремей с тайной радостью почувствовал со стороны соседки, как в первый вечер, легкое дыхание цветов, таинственных, каких, наверное, и не бывает на этом свете, но запах которых все же дают нам обонять некоторые женщины. Еремей старался не смотреть в ее сторону, меньше оказывать ей внимания (ночью он пришел к выводу, что красавице просто захотелось поиграть с ним, чтобы показать кое-кому силу своей власти, а потому не следует ей поддаваться). И это ему легко удалось — Далия в этот раз тоже не стремилась к общению и не обращалась к нему. Из-за чего Еремей с каждой минутой все больше испытывал печаль и отчаянную обиду. К тому же, кроме отца и Далии, говорить ему было не с кем, и ему стало скучно сидеть в компании чужих и неинтересных людей.

Взяв кусок лаваша с сыром, он вышел на воздух.

Бедуины с поджатыми ногами сидели на земле у своих палаток и молча смотрели на него. Клетчатые куфии, бело-красные или бело-серые, почти полностью скрывали их лица, и Еремей видел только глаза, таинственно светящиеся в глубине. Казалось, глаза ничего не выражают, но кто знает, что на уме у этих измалытня!

Спугнув ящерицу, Еремей тоже сел в тени низкой акации и стал смотреть на каменные ковриги гор, на зависшего в высоте ястреба. Вот так бы и сидеть вечно, никуда не спешить, ни с кем не говорить, думать, что придет в голову, и ничего не желать!

После обеда все разошлись по шатрам, и лагерь погрузился в марево и безмолвие. Но к вечеру снова все оживилось в ожидании концерта этнической музыки, о котором за обедом торжественно объявил Халдей. Из большого шатра вытащили ковер, раскатали его на поляне. Из ковра поменьше получился задник. Установили фонари. И вот в ранних сумерках со стороны горы подъехал микроавтобус, из которого высыпало с десятком музыкантов с футлярами и рюкзаками. Последней сошла на землю дородная певица в нарядном сценическом платье, украшенная множеством тяжелых, претендующих на подлинность, серебряных украшений. Халдей принял ее в две руки, с поцелуями в обе щеки. Артисты пошли в шатер переодеваться, зрители стали рассаживаться в принесенные шезлонги и сиденья. Еремей нашел место рядом с отцом, Далия со своим спутником сели неподалеку. Еремей ощутил на себе ее взгляд, а когда оглянулся, был одарен щедрой улыбкой.

Музыканты с распахованными инструментами вышли наружу — в тех же джинсах, простых рубашках и одинаковых светлых бейсболках. Ведущий, назвавший себя Рафаилом, стал объяснять, что это за инструменты — и каждый музыкант давал их послушать несколькими мелодичными фразами. Певица (Халдей называл ее Хевой) — под аккомпанемент арфы исполнила несколько псалмов на иврите и арамейском, так, как они звучали при царе Давиде и при царе Ироде.

Потом Халдей подсел к Далии и о чем-то стал говорить ей и ее спутнику, говорил долго, просил, убеждал. Далия, наконец, встала и пошла в шатер. А Халдей, перемолвившись с музыкантами, объявил со сцены:

— К радости и восхищению, в нашем путешествии участвует звезда балета, несравненная Далия Кончакова. Она согласилась показать нам в этой необычной, но и вдохновительной обстановке пустыни образцы своего удивительного искусства.

Далия вышла из шатра преображенной — в легкой короткой тунике с обнаженными руками и в шароварах, воздушных, просторных даже для ее крепких округлых ног. Рыже-золотые волосы ее были разбросаны по плечам, и в свете софитов казались языками чистого пламени. Она что-то сказала музыкантам. Те стали настраиваться — и вскоре послышались дробные мелкие звуки равелевского «Болеро». Далия начала с того, что опустилась на пол — и вся поникла, сложилась, казалось, в полном изнеможении уронив и руки, и голову. Мелодия между тем нарастает, наливается силой, звуки барабана и духовых становятся громче, настойчивее. Музыка оживляет танцовщицу, поднимает с земли, она пробует закрыжиться, поднять руки — но все это в бессилии, подневольно, словно нехотя повинуюсь кому-то. Вся вздрогнув, как от ожога, закрывается руками, изгибается и трепещет. И снова невидимой плетью обжигается ее тело, танцовщица дергается, падает, бичуемая, извивается на земле. Встает со страданием, начинает кружиться. Удар плети заставляет ее ускорять движение, пламенеть в танце. Музыканты все сильнее и тверже отбивают ритм. И вдруг на танцовщицу нисходит вдохновение, ярость боли и страсти, она ощущает свою силу и красоту, неуклонно и неудержимо действующую на мучителей. И уже не невольница, не жертва, а победительница, жрица, охваченная священным безумием, огненным вихрем, является в танце. «Я бич! Я пламя!» — говорит ее стан, летающие языки огня вокруг головы, дробно стучащие ноги, вздымающаяся грудь...

Себя забыв, впивался Еремей — глазами и колким сердцем — в пламенный образ. Он почему-то вскочил с места, потом опомнился, сел, снова поднялся. Вдруг ощутил позади чье-то дыхание, шепот. Прямо за ним стояли измайльтяне, цокая языком, что-то чуть слышно говорили друг другу...

Еремей нырнул в темноту и долго не мог успокоиться, кругами ходил вокруг лагеря. Когда вернулся в шатер, отец при свете фонаря что-то читал. Ерема задрал дверь и с планшетом нырнул под кисею в постель. Ему хотелось лежать и думать. Но отец, вдруг зевнув, сказал в пустоту, словно отвечая на чьи-то слова:

— А знаешь, я, кажется, никогда не мог бы полюбить танцовщицу. Мне бы казалось, что в руках у меня барахтается большая сильная птица. И хотелось бы отпустить ее побыстрее на волю.

Еремей ничего не сказал на это, он был уже на другой волне:

— Нет, ты послушай, что я прочту!

Отец отложил книгу и повернулся к нему лицом.

— Вот, я еще дома заложил: «Когда ж они бежали от израильтян по скату горы Вефоронской, Господь бросал на них большие камни до самого Азека, и они умирали... Иисус (Навин) воззвал к Господу и сказал: стой, солнце, над Гаваоном и луна над долиною Аилонскою! И остановилось солнце, и луна стояла, доколе народ мстил врагам своим. И не было такого дня ни прежде, ни после того, в которых Господь так слушал бы гласа человеческого» (Нав, 10, 11–14). Как страшно! Как грозно! И в то же время прекрасно. «Вот, народ как львица встает и как лев поднимается, не ляжет, пока не съест добычи и не напьется крови убитых» (Числа, 23, 24).

— Да, величественно и грозно, — сказал Проворин-старший, немного подумав. — Впрочем, ничего исключительного, героический эпос, как у многих народов. В «Илиаде» почти то же самое. И в «Нибелунгах», и у Оссиана. Просто нам более знакомо... На этом, однако, разреши пожелать спокойной ночи. Завтра ранний подъем.

И он выключил свет. Вскоре и Еремей погасил свой экран. И тут же перед ним возникла картина пустыни, иссохшее русло, камни, горы и впадины, древние доро-

ги, видения первобытных армий и рукопашных битв. Ему представилось, как это было тогда в Палестине. Рушились стены городов-крепостей, горели жилища, дул ветер, раскачивая на деревьях тела пяти царей аморрейских, и над ними кружились и кричали вороны. Здесь же, у поверженных стен, горели костры и пировали победители. В битвах сходились грудь с грудью, дрались часами, с хладнокровным искусством и озверением, упорно и бешено, с утра до ночи, только темнота останавливала сечу. У бойцов страшная телесная сила, в сердце лютость и беспощадность. Никто тогда не маскировал своих целей — грабить и убивать, очищать землю для своих соотечичей. Стесненное дыхание, рык, гортанные вопли, стоны умирающих. Ночной штурм, город — нагромождение жалких конур из камней, накрытых бычьими шкурами — в огне. Кровь и огонь. Мужчин поражают мечом, детей одним махом разбивают о камни. Девушек — плачущих, обнаженных — тащат за волосы. Трупам завалены улицы выше стен. Тут же волокут мешки с добычей, вспарывают меха, обливаясь, жадно глотают вино. Кровь, вино и огонь! Так обреталась Обетованная земля, так она погибала множество раз от нашествий. Кровью пропитана земля до глубинных пластов. Она никогда не знала покоя. Наверное, благодаря этому здесь являлись великие мужи, создатели религий, нравственности, философских течений, смягчившие, в конце концов, нравы, показавшие примеры пророческого предвидения и служения, негасимые образцы подвига и красоты духовной.

Осталось ли что-нибудь от тех великих времен и мощных людей на этой земле? Если осталось, то в ком и в чем, в каком виде? Вот он поехал сюда с отцом, чтобы ощутить здешнюю жизнь и людей, а им, как он теперь понял, предложили пустыню.

Еремей неким шестым чувством ощущал сейчас и хананеев, и хеттеев, и аморреев, и их низвергнутых царей, чьи тени непокойно кружат сейчас над пустыней, над местами исчезнувших капищ и священных рощ. Они ведь тоже верили, что эта земля принадлежит им по воле Ваала. Но пришел новый бог, более сильный, суровый, а главное незримый, возвышенный. Так было суждено, племена и люди — одни уходят, другие приходят, в истории не было и нет места правде и справедливости.

— Но как мне быть, лично мне? И не в библейское, не в какое-то историческое время, а в то единственное, маленькое, в котором я живу, осознаю себя, и за которое отвечаю? Мне мало просто избить ноги на камнях. Мне любви нужно, открытой души, откровенного разговора. А этого нигде нет... Вот и она, дивная Далия-Хазва. Что с нею сейчас? Как ее улыбка, свет ее глаз, пламя танца могут совмещаться с серым, ничем не примечательным ее спутником? И шатер не загорится от ее огненности? Отец хорошо сказал о ней — птица. Но какая? Гамаюн, Сирин, Алконост? И она, сказочная птица, — в соседнем шатре! Лежит с закрытыми глазами, подложив руку под голову, прекрасная, как заснувший цветок. Ее чудесные волосы льются по подушке, неслышно дышат полуоткрытые губы. А рядом, на соседней подушке, лысоватая голова ее спутника... Еремей вздрогнул и оборвал свои мысли, чтобы убить это видение.

Утром к нестройной колонне Еремей стал последним. Тягостное вчерашнее настроение у него прошло, тем более что Далия ответила на его привет веселым участливым взглядом. Она шла впереди, и Еремею только изредка доставалось разглядеть ее немислимо накрученный желтый тюрбан.

Первый день шли без остановки четыре часа, пока солнце не стало основательно припекать. И было радостно увидеть впереди под цветущими деревьями просторную парусиновую палатку и встречавших с поклоном двух молодых бедуинов в белых хитонах. После омовения проходили под паруса, где ждал легкий завтрак, холодные напитки, горячий чай. Разлеглись на коврах, вяло обменивались репликами. Еремей оглянулся на задремавшего отца и подался наружу.

Местечко, выбранное для бивуака, походило на небольшой безлюдный оазис. Жизнь ему давала канавка, блиставшая водой среди деревьев. Вся остальная местность представляла собой обычную картину: солнце, воздух и тишина.

Еремей сел, прислонившись спиной к обсыпанному красными лохмотьями цветочкам безлистному дереву. «Вот зима прошла, дождь миновал, перестал, цветы показались на земле, — напевал он любимые стихи. — Встань, возлюбленная моя, выйди! Вся ты прекрасна, и пятнышка нет на тебе!»

И закливание действовало: в белом наряде, босая, из палатки показалась Далия — «блистающая, как заря, грозная, как полки со знаменами». Она увидела его. И, подходя, говорила:

— «Сошла я в ореховый сад посмотреть на зелень долины, поглядеть, распустилась ли виноградная лоза, расцвели ли гранатовые яблоки». Продолжим? Я всю песню наизусть помню.

— И я помню. Но как вы угадали? — поднялся смущенный Еремей.

— Тоже мне тайна! Да у вас на лице все написано.

Далия опустила на землю, взяла его за руку и легонько потянула к себе. Но Еремей вырвался и сел напротив — так лучше было смотреть на нее. Впервые он видел ее так близко и при полном свете. Как идет ей этот набатейский наряд! Сколько серебра на шее! Среди цепочек на черном шнурке анх, коптский крест, ключ жизни, дар ясновидения. Уроборос на левом запястье. Просто лишь украшения, амулеты — или действительно причастность к чему-то тайному?

— Так продолжайте же! — велела она. Ее тигровые глаза лукаво смеялись. — Дальше самое интересное — «О, как прекрасны ноги твои в сандалиях, дочь именитая!»

Еремей помолчал, как бы вспоминая, хотя знал эти стихи до последней буквы. Но как приложить их к красавице, сидящей напротив, испытывающей его, может, смеющейся над ним! Ах, и сладко же броситься в этот кипяток!

— «Округления бедер, как ожерелье, искусный художник творил их», — начал Еремей хриплым голосом и осекся.

— Ну, и дальше, дальше, про живот самое интересное! — Далия нетерпеливо пошевелила ногами.

— «Живот твой — круглая чаша, в которой не истощается ароматное вино», — Еремей одолел смущение, голос его перестал дрожать и окрасился нежной силой. — «Шея твоя — столп из слоновой кости; глаза — озерки Есевонские; нос твой — башня Ливанская, обращенная к Дамаску; стан похож на пальму, и груди твои на виноградные кисти».

В словах его было столько пыла, в манерах — сдержанности, а в жестах — изящества, что Далия не могла не восхититься.

— Все верно, — говорила она. — Да не смущайся же, ведь это Писание! Вот сейчас моя очередь отвечать на твои роскошные похвалы: «Виноградник был у Соломона в Ваал-Гамоне; он отдал этот виноградник сторожам; каждый должен был отдавать за плоды его тысячу сребреников. А мой виноградник у меня при себе». Как сказано — мой виноградник! У меня при себе! И стыдно, и сладко!

— «Влез бы я на пальму, ухватился бы за ветви ее; и груди твои были бы вместо кистей винограда, и запах от ноздрей твоих, как от яблоков», — не говорил теперь, а напевал Еремей. Альтовый, грудной голос Далии негромко отвечал ему:

— «Приди, возлюбленный мой, поутру пойдем в виноградники, посмотрим, распустилась ли лоза, раскрылись ли почки, расцвели ли гранатовые яблоки; там я окажу ласки мои тебе». Вот какие смелые и тогда были девушки! Не скрывали своих желаний.

— «Уста твои — как отличное вино. Оно услаждает уста утомленных», — напевал Еремей.

— «У дверей моих превосходные плоды, новые и старые: их сберегла я для тебя, мой возлюбленный!» — отвечала Далия.

Последние слова, произнесенные страстным шепотом, прозвучали как любовный зов, как настоящее обещание. Было отчего смутиться отроку! Но Далия пощадила его, тут же сменив тон, дала понять, что все это было декламацией, только игрой.

— Вот что, давай устроим читку «Песни» на два голоса вечером в шатре, — буднично проговорила она. — Репетиция прошла, по-моему, на отлично.

Еремей энергично заматал головой:

— Нет, нет, не хочу! Не со мной! Лучше уж вы с этим...

— С кем, с кем? А-а, так ты ревновать?! Если хочешь знать, Артур мой сердечный друг и человек хороший, но, как артист, бездарный. Занят на эпизодах.

— Да мне все равно.

— А у тебя вышло сильно, с чувством, будто ты эти стихи сам сочинял, прямо вот сейчас, для меня.

— Нет, на людях я не смогу. Это вы всю жизнь на сцене, в цветах, в огнях! — сказал он восхищенно. — Вчера изумительно танцевали. Я вообще-то не люблю балет, да и не знаю. Но вы меня поразили!

— Говорят, из печной трубы можно разглядеть звезды в дневное время. Трубочисты, правда, это отрицают, но, может быть, им просто не дано.

— Вы и вправду звезда!

— Глупости! — рассмеялась она. — Все звезды, если хочешь знать, кроме, конечно, небесных — нарисованные, просто товар пронумерованный. Цена на него зависит от спроса.

— Вы на что-то обижены. Не все же так! — горячо воскликнул Еремей. — Есть и другое, есть люди с другими отношениями между собой.

— Есть, но те не попадают в наш круг. Вот сколько здесь с нами мужчин? Без тебя и Артура — шестеро, семеро? И каждый готов, я знаю, утянуть меня к себе. Подожди, начнут украдкой телефоны предлагать, назначать свидания, делать ставки. Им нравится красть или отнимать то, что принадлежит другому. И мною пытались торговать, передавать друг другу, как подарок. Но со мной не получается! Я давно уже хочу выбраться из этого круга. Вся изорвусь, погибать буду, но выберусь! Знал бы ты, как отвратительны все театры и сцены, какая там грязь внутри!

Тут она внимательно, долгим взглядом посмотрела на него — и рассмеялась:

— Ты сейчас похож на грустное животное, еще не могу точно определить, на какое. Скорее всего, на маленького пони. Животные ведь чаще всего бывают грустные, замечал это? И человек в грусти становится похож на животное. Но тогда-то он и красив по-настоящему. Наверное, тебе тоже живется невесело.

— Но почему! — удивился Еремей. — Почему вы так думаете?

— А ты не можешь быть как все, с таким лицом, как твое, это и невозможно. Скажи, влюблялся ты когда-нибудь?

— Да, еще в девятом классе, очень сильно.

— А я похожа на нее? Чем-нибудь должна быть похожа, хотя бы голосом. Голосом в первую очередь. Потому я тебе и нравлюсь. Нравлюсь я тебе?

— Нравитесь, — признался Еремей.

Далия помолчала, словно собираясь с мыслями. Потом заговорила по-особенному, с внезапной нежностью:

— Как только я тебя увидела — одинокого, грустного, словно слетевшего откуда-то, я мысленно назвала тебя Иосифом. Ну, ты знаешь каким, — тем самым, Иосифом среди лживых и ненадежных братьев, готовых продать кого угодно. И я сразу почувствовала — ты, как и я, живешь среди чужих, потерялся, а тебе вернуться хочется в родные края. Таким, как мы, всюду чужбина! И мы тоскуем по родине. Она не здесь и не в Москве. Может быть, она где-то в прошлом. Тебе не

хочется иногда уйти в прошлое, в другие времена? Где просторнее, светлее, чище, где жила глубокая вера, пылали настоящие чувства.

— О, очень хочется! Я ведь потому и изучаю древность, Восток. И там воочию видишь, что империи, вообще большие, сильные народы и государства, создаются не людьми, а богами. А богам неинтересно смотреть на то, как люди едят, спят, совокупаются и тратят себя на деньги. Боги требуют жертв и преданности. В империях необходимо сражаться, верить, любить, побеждать. Строить храмы и творить мистерии. Но какие храмы сейчас, когда в мир приходят развлечься, нагадить и сгнить. И как быть? Надо ждать, стиснув зубы. Когда вымрет вся сволочь, переменятся времена.

Далия смотрела на него с удивлением

— Но иногда думаю, — продолжал Ерема, — может быть, нам только кажется, что там было лучше, а жизнь в главном всегда одинакова?

— Я говорю не о том прошлом, что в истории, которое мы (она показала кивком головы на палатку) сейчас якобы ищем, — ответила Далия.

Она перешла на шепот:

— То прошлое, о котором я говорю, совсем другое, о нем всего несколько строчек в святой книге. Оно мне видится иногда, когда я одна в горах или у моря. На закате, когда небо золотое, в лучах... Вот там наше место, наша родина, там, за пылающим горизонтом. Там и отец наш ждет нас. Но туда, в то место, по которому я тоскую, можно попасть лишь со смертью...

Еремей неподвижными глазами смотрел на нее, не смея прервать.

— Тебе, может быть, удивительно слышать от меня такое. В иные минуты сама себе удивляюсь, когда святой хочется стать. Есть ведь много святых, которые сначала были великими грешниками, обманщиками, блудницами. А потом стали мучениками — из тоски по небу, по родине, из любви к святости. Вот и мы ждем, чтобы кто-то открыл нам дверь, указал путь. Мы ищем, за кем пойти, жаждем узнать силу, к которой примкнуть, чтобы только не остаться среди чужих. Чтобы расслышать, когда придет время, обращенный к нам зов, приказ, от которого нельзя уклониться. Я знаю, и тебе хочется, чтобы приказывали, а ты слушался. Потому я сейчас и заговорила с тобой. Мне ты будешь с радостью подчиняться. Ведь ты уже знаешь это? Согласен?

Она говорила вроде бы и шутливо, а в то же время с душевным напряжением, с серьезностью, которую выдавали ее пытливые глаза.

— Знаю, согласен, — сказал Еремей почти безвольно, не вполне владея собой. — Приказывайте.

Ее глаза не отпускали его. От нее шел свет, шла сила.

— Вместе мы преодолеем свое одиночество, обретем друзей, братьев. Потому ты так рад мне, так сильно ко мне тянешься. Не обожгись! Вдруг я захочу от тебя большего, чем просто дружба и поклонение. Вдруг заставлю по-настоящему влюбиться в меня. Ты еще не знаешь, что это такое. С настоящей любовью человек отказывается от себя ради другого, готов отдать жизнь за него. Когда ты понадобишься мне, я позову и отдам тебе свой приказ — и ты с радостью его исполнишь, не спрашивая ни о чем.

— Там, в Москве? — прошептал Еремей, потянувшись к ней лицом.

— Не знаю — здесь, там, на другом свете... Только не думай и не фантазируй об обычных отношениях. Ты мне не для этого нужен. Да и тебе, я знаю, от меня нужно не это.

Еремею стало казаться, что она знает о жизни, да и о нем самом, что-то такое, чего не знает ни он, ни его друзья и наставники, что она разглядела его насквозь, и теперь может управлять им с неизбежностью, мягко, нежно и сильно, как луна управляет морем. Он чувствовал, что эта женщина вполне овладела им, что у него

нет силы сопротивляться, а от его собственного «я», от строений его внутренней жизни остались руины. Все, что он любил и ценил прежде, рухнуло в мгновение и потеряло смысл. От всего этого было и страшновато, и радостно. Он молча смотрел на нее, не вполне веря услышанному, но и не удивляясь. Он чувствовал себя засохшей пустынной колючкой, «розой Иерихона», неожиданно попавшей в воду и моментально расцветшей. Время остановилось.

Из транса его вывел голос, настойчиво к нему обращающийся. Наконец, он расслабился, что она говорила:

— Знаешь, как называется это дерево? — спрашивала Далия, показывая пальцем у себя за спиной.

Еремей поднял глаза — и увидел над нею красное рваное пламя.

— Иудино дерево.

— Какое страшное название! Это за красные цветы его так?

— Наверное.

Еремей обвел глазами ветви с цветами, без листьев, землю под ними, тоже обрызганную красным.

— А я ногу натерла, сильно, до крови, — сказала она, протягивая к нему босую ступню. Спереди, поперек стопы на подъеме, шла широкая влажно-красная полоса. — Что ты так смотришь? Да подуй же, подуй!

Еремей наклонился, дунул, а потом дважды поцеловал стопу, ощутив губами ее прохладу и нежность.

— Заживет! — сказала она, поднялась, отряхнулась и ушла обратно в палатку, в белое облако всполошившейся от ветерка парусины.

Еремей, как раненый зверь, отполз за дерево, потом в низинку, где его никто не мог увидеть. Он лег на горячие камни, закрыл глаза — перед ним стояло все то же лицо, слышался все тот же голос. Мучительные ощущения переполняли его организм. Они жгли и изнутри рвали его. Ему хотелось давить и душить в объятиях саму эту землю, знойную и цветущую. Он перевернулся на живот, сжал в горстях пылающий камень, дернулся и мучительно застонал...

В предвечернее время предстояло совершить еще один небольшой переход — к лагерю, незримо, обходным каким-то путем, опередившему путников, полдня дремавших под парусиновой палаткой. Уставшие от неподвижности и безделья, они стали дружно и весело собираться в путь.

И только танцовщица хныкала, показывая всем израненную припухшую стопу и отказываясь идти. Ее приятель Артур уговаривал потерпеть, клеил на стертые места пластырь, но вскоре и сам убедился, что ременные сандалии ей противопоказаны, да и кроссовки тоже. Стали совещаться с Халдеем. Тот пообещал что-то придумать.

Не прошло и часа, как перед палаткой предстал стройный арабиан в цветной парчовой попоне, украшенной кистями и серебром, с сиденьем на спине под малиновым шелковым зонтиком. Его держал за уздечку молодой бедуин. Белая длинная рубаха, цветной поясок, на плечах шерстяная, черная, в белых полосках, хламида. Мелкая, вьющаяся борода, огненные глаза. Мужественное лицо женственно обрамлено бело-красным платком под шерстяным обручем. Красив, живописен — и похож на пророка. «Селям!», — говорил он, чуть склонив голову, касаясь перстами груди и лба.

Опершись на руку Артура, прихрамывая, вышла Далия. По одному короткому слову вожакого верблюд грациозно сложился — и красавица с распущенными волосами, в белых шальварах и в воздушной накидке, с предупредительной помощью «пророка» взошла на приготовленный ей трон. Верблюд тут же стал подниматься. При этом араб смело поддерживал женскую ногу в шальварах и даже, как многим увиделось, касался округлого бедра щекой.

И вот вышли — впереди Далия верхом на верблюде, сбоку, словно пристегнутой, молодой бедуин, за ними пешей нестройной толпой все остальные. Шли молча, сосредоточенно, в каком-то оцепенении. Может, только сейчас дошло до некоторых, по какой они ступают земле, как и для чего попали сюда. Впрочем, путь был недолгим. Через пару часов впереди, в небольшой пади, почти лишенной всякой растительности, показался лагерь — по виду тот же самый, что они оставили позади утром, с расставленными в том же порядке шатрами. Какой же маг и кудесник этот Халдей! Словно невидимо по воздуху перенес. И каждый нашел в своем шатре ту же самую обстановку, те же самые вещи.

За ужином подавались жареные перепела. Из кувшинов изливалось вино и вода. Но прежнего дружеского застолья не получилось. Все говорили изредка и негромко. На удивление, помалкивал и предводитель. Немного поев, он полулежа дремал в затемненном буфетом углу. Далия совсем не ела, а только отпивала что-то из глиняной чашки. Еремея тянуло смотреть на нее, но ответных взглядов он не дождался. Артур сидел рядом с ней тоже какой-то отстраненный, грустный и молчаливый. Можно было подумать, что всем этим людям до чертиков надоело быть друг с другом, и только шатер, пустыня и бездорожье удерживают их вместе на одном ковре.

Далия и Артур первыми вышли из шатра на воздух, под ночной купол. Луна стояла уже высоко, но ей не под силу было погасить низкие пустынные звезды. Издали, со стороны холма, ночь озарялась всполохами огня — это у бедуинских шерстяных палаток пылал костер, оттуда несло жареным мясом и слышалась негромкая мелодия зурны и думбека. Эта другая, параллельная, неизвестная жизнь влекла и пугала.

— Пойдем к ним! — неожиданно сказала Далия, взяв спутника за руку.

Артур вздрогнул и отшатнулся:

— Куда? Там же эти...

— Да, набатеи, кочевники. Представляешь, как интересно! Мне хочется с ними поговорить. Шашлыка поесть...

— А на каком языке ты собралась говорить? Вряд ли кто-то из них владеет английским.

— Здесь говорят на левантийском, это диалект арабского. Я его немного знаю.

— Да что ты! Откуда?

— С детства.

— У тебя на каждый случай своя биография!

— Этот случай — последний. Другого не будет. Ты мог бы расслышать, что меня зовут Хазва. Так пойдем же!

Артур, сжав ее ладонь, сказал просительно:

— Нет, не пойдем! На что они нам? И что подумают... что скажет Халдей? И вообще, мне хочется баиньки.

Они остановились у своего шатра. Далия обернулась в сторону огня, Артур смотрел на нее. На лице ее дрожали блики и тени. У костра зарыдала зурна.

— Не хочу я спать! — сказала Далия. — Я ненадолго.

И выдернув свою руку, она решительно пошла на огонь.

Артур проводил ее взглядом и вошел в шатер.

Ранним утром, еще в потемках, в лагере началась паника. Она началась с криков Артура, потерявшего свою спутницу. На шум стали выходить из шатров паломники. Артур с воплем бросился к ним. Стали звать Халдея, его на удивление не оказалось на месте. Обслуга из бедуинов нашлась в палатках, но куда-то подевался их десятник Джемаль. Панику подогрели крики старшего Проворина, Леонида Еремеевича, внезапно обнаружившего пропажу сына. Где он мог быть в та-

кое время? И не связано ли его отсутствие с исчезновением танцовщицы? Конечно, влюбленность студента бросалась в глаза, многие замечали их переглядывания и таинственные разговоры. Не могли ли они сбежать вдвоем, а Джемаль просто согласился быть их проводником? От этой «светской львицы» (вспомнилось, наконец, газетное прозвище Далии Кончаковой!) всего можно ожидать, а уж соблазнения красивого мальчишки тем более. Тогда беглецов следует искать в Иерусалиме, в аэропорту. Срочно надо известить власти, перекрыть вылет и выезд!

Все метались вперемежку по лагерю, хватали друг друга за одежду, спрашивали об одном и том же — и ничего не могли понять. Предположения звучали самые невероятные. К тому же путешественники оказались без всякой связи — ведь все послушно сдали свои телефоны-смартфоны на хранение Халдею. А он как провалился! Стали трясти набатеев, но те с грехом пополам объяснились, что не видели и не слышали ночью ничего подозрительного, а исчезновение Джемала и для них остается самой большой загадкой. Еще они встревоженно спрашивали, когда рассчитаются с ними за работу и не вычтут ли что-нибудь за сегодняшний инцидент.

Неожиданно, спустя примерно час, уже при солнечном свете, из-за холма показался Еремей. Он шел без спешки, при этом часто оглядывался, как бы размышляя, а не вернуться ли ему обратно. Одет он был не в ветхозаветный балахон, а в обычные джинсы, футболку и кроссовки, в которых его видели в день приезда. За плечами висел рюкзачок.

Подойдя, Еремей покивал всем головой, внимательно посмотрел на отца и тут же нырнул в свой шатер. Проворин последовал за ним.

Еремей лежал на кровати, обхватив голову руками.

— Что случилось? Куда ты ходил? — спросил отец.

Еремей молча смотрел на него. Потом с трудом выдавил, не отнимая рук от лица:

— Не взяла! Велела идти с ней... а потом не взяли.

— Кто велела?

— Она.

— Далия?

— Хазва.

— Подожди, сейчас все расскажешь.

Проворин выглянул из шатра и позвал Артура. Общая тревога сблизила их. Еремей говорил с большой неохотой, немногословно, приходилось его тормозить и вытягивать каждое слово. Да и многое ли он знал на самом деле?

Этой ночью не шел сон Еремею, он сидел снаружи, поглядывая на луну и созвездия. При этом неистово думал о единственной, часто взглядывал в сторону ее шатра и придумывал любовные катрены. Он слышал, как в шатре том бранились, возгласы, всхлипы и стоны еще больше разожгли и взвинтили его. Потом наступила тишина — и Еремей совсем уж собрался идти спать, как вдруг показалось из тьмы белое видение. Да, это была она! Грозная, как полки со знаменами, она ничуть не удивилась ему, сказала коротко: «Ты готов? Пойдем же!» Еремей прокрался в свой шатер и, схватив рюкзак с одеждой, пошел за нею. У палаток бедуинов их ждал Джемаль, одетый в дорожное. Он что-то спросил Далию, она отвечала. Говорили они на арабском, но Еремей понял, что разговор шел о нем. Пока Далия переодевалась за палаткой, Джемаль поприветствовал его и пожал руку. Взяли по рюкзаку и сразу же неведомой тропкой пошли от лагеря в сторону. В лунном сиянии виден был каждый камень. По пустыне гулял свежий ветер. Шли молча, без всякой дороги, около часа. В очередной низинке обнаружилась машина, небольшой джип. Джемаль вынул из рюкзака и прикрутил номера. Потом они снова говорили между собой. Он называл ее Хазвой. Наконец она подошла к нему и сказала:

— Прости, малыш, сейчас не можем взять тебя с собой. С тобой мы попадемся, тебя будут сильно искать.

Она обняла его и крепко поцеловала (в рассказе это Еремей утаил).

— Дорогу назад найдешь? Светает, нам пора. Еще встретимся. Я тебя позову.

Джемаль снова пожал ему руку и потрепал по плечу. Они уехали, а Еремей побрел обратно.

— Номер машины? Куда они направляются? — вскочил Артур.

— Джим Вранглер, серый, номер не разглядел (на самом деле даже не посмотрел на него!)

— Они что-нибудь говорили о маршруте?

— При мне нет. Хотя один раз прозвучало «Мыср, Мыср».

— Что за ерунда, какой Мыср?

— Мицраим, Египет на арабском.

Проворин-старший посмотрел на Артура, оценивая его способность в данной ситуации воспринять шутку:

— Не переживай, Артур! Как говорят у нас в России? Баба с возу...

Артур не стал продолжать разговор и ушел к себе.

— Так, говоришь, не взяли тебя? — Проворин развернулся к сыну. — А то пошел бы с ними? И куда — в Мицраим? Или в Сирию?

— Больше я тебе ничего не скажу, — отвечал Еремей, не смотря на него. — Я потому только вернулся в ваш лагерь, что мне идти сейчас некуда.

— Тестостерон тебе мозги сносит, вот что! Ожегся. И как теперь быть? Хоть бы мать пожалел! — Леонид Еремеевич начал было читать нотацию, но, чуяем режиссера почуяв ее пошлость и провальную бесполезность, закончил просто и буднично. — Спи, дома поговорим. Выбраться бы отсюда быстрее...

Он тоже решил отказаться от маскарада и разыскал свои брюки и клетчатую ковбойку. Выйдя наружу, увидел, что переоделись в привычное и другие путешественники.

Халдея все не было. Он, по-видимому, потерял к мероприятию всякий интерес. Распорядок нарушился, о пешем маршруте никто больше не думал. Завтракали, а потом и обедали холодными остатками вчерашней еды.

В центре внимания оказался Артур, он говорил горячо, убежденно:

— Готовился теракт, мы все были в смертельной опасности. Нас Далия спасла! Она завлекла моджахеда и, жертвуя собой, увела его от нас. Она не посвящала меня в свой план, я абсолютно ничего не знал, хотя и догадывался. Но Еремей рассказал. Он тоже рисковал... Нужно действовать, нужно спасти Далию!

Раздались крики:

— Халдей! Где чертов Халдей!

Послышался шум подъезжающего автомобиля.

Спустя минуту появился Халдей.

— Готовился теракт! Нас хотели взорвать или перестрелять! А вы... вы специально наняли к нам террористов? Далия сбежала с моджахедом! — кричали ему.

Халдей отреагировал невозмутимо:

— Ну и ладно.

— Требуем вернуть паспорта, мобильники и все наши личные вещи!

— Вам вернут в аэропорту, как договаривались. Программа маршрута известна, в ней все расписано по часам, — отрезал Халдей. И глянул так, что продолжать разговор не имело смысла.

Наутро движение группы по пустыне возобновилось. Понурым видом, опавшими лицами, мятой одеждой пилигримы теперь больше напоминали конвоируемых арестантов. Проволоклись они ослабевшими, покусанными ногами несколько километров, потом отдохали в палатке, пока их лагерь со всеми шатрами и имуществом перемещался обходным маршрутом на новое место. Это новое место ландшафтом и другими приметами показалось всем настолько похожим на место пер-

вого ночлега, что стали говорить, будто их два дня водили пешком по какому-то кругу и возвратили туда же, откуда и начинался весь путь. То есть попросту дурачили. А, значит, цель путешествия не стала ближе ни на один метр.

Вечером пригласили на ужин. Но Еремей решительно отказался пойти со всеми в большой шатер.

— Лучше быть голодным, но свободным! — сказал он.

Он схватил попавшуюся под руку накидку и вышел наружу. Сбоку на него равнодушно смотрела луна. Еремей повернул от нее в другую сторону. Простор пустыни, бледный от лунного света, точно тянул его. Он шел, не разбирая пути, по хрустящим камням, и сам не заметил, как взобрался на возвышенность. Эта сторона холма была покрыта черной тенью, другая же освещена так, что на ней можно было разглядеть каждую былинку. Немного ниже вершины виднелся неширокий выступ. Еремей спустился к нему и присел на плоский камень. Беспредельный простор, нежно-прозрачный воздух, лунные камни — все хранило чуткую, настороженную тишину, неразделенную тайну, отчужденный покой.

Еремей стал искать глазами знакомые созвездия — и не находил их. Громадно, пусто и холодно было там, наверху. Казалось, все пространство на небе до самой земли было заполнено вечным страхом и негасимой тоской.

Он терзался о Далии, вспоминал ее таинственные слова о неизведанной родине где-то там, за пылающим горизонтом, о времени, когда услышат они обращенный к ним зов, приказ, от которого нельзя уклониться, который с радостью выполняют, не спрашивая ни о чем.

Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волнения
Внимать невозможно.

Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рожденное слово.

Но в храме, средь боя
И где я ни буду,
Услышав, его я
Узнаю повсюду.

Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу,
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.

* * *

Наутро за ними пришел небольшой автобус. А Халдей сел в джип и укатил первым.

В самолете Проворин, просматривая газету, в разделе новостей наткнулся на сообщение: «Вчера поздним вечером при перестрелке на границе сектора Газа была смертельно ранена известная российская танцовщица Далия Кончакова. Обстоятельства происшествия выясняются».

Проворин осторожно взглянул на задремавшего Еремея.

Торпливо свернул газету и спрятал ее в карман.

